

довольно точно русскую бытовую обстановку, притом, скорее всего, великорусскую, северную.¹ Так эту обстановку понимал еще в XVII в. и писец одного из списков «Чуда», озаглавив статью: «Чудо святыхъ чудотворецъ и безсребренникъ Козмы и Дамияна о братчинѣ, иже въ Корсунѣ граде» (Сборн. Троицкой лавры 805, л. 191 об.).² Таким образом можно говорить о русском происхождении рассказа о «корсунском чуде».³ Мало того: возможно с большой долей вероятия попытаться и несколько точнее локализовать местность возникновения нашего рассказа, если обратить внимание на то, что он говорит о праздновании храмового праздника *Козмы и Дамiana*: легенда связала чудо с какой-то общиной, братчиной при церкви Козмы и Дамiana. Если культ Козмы и Дамiana может считаться одним из самых распространенных не только в Византии, но и на европейском Западе,⁴ то следует признать их популярность и на Руси; но особенное распространение почитание их получило в Новгороде и Пскове, как о том можно судить уже по численности церквей в честь Козмы и Дамiana в этих именно

стр. 83—84); у него же, Северные народоправства (СПб., 1863) II, 131, 157; А. Никитский, Очерк внутренней истории Пскова (СПб., 1873), стр. 164 и сл. Для братчины в былевой поэзии см. И. Н. Жданов, Русский былевой эпос (СПб., 1895), стр. 205, 210, и А. В. Марков, Бытовые черты былии, (Этногр. Обзор., кн. 58—59), стр. 68—69, отд. отт.

¹ На юге и западе русского племени братчина в том смысле, как это было в Новгороде и Пскове, нам неизвестна. Здесь нельзя, конечно, иметь в виду южно- и западнорусского братства, как явления, хотя и аналогичного по внешности и отчасти по функциям, но совершенно иного по происхождению (братства, как известно, стоят по происхождению в связи с магдебургским правом югозападных городов и преследовали защиту церквей и веры), притом явления гораздо более позднего: в Новгороде о братчинах мы можем говорить, как об определенной организации, уже в XII веке (см. грамоту Всеволода Мстиславича церкви Иоанна Предтечи в Опоках — Дополн. к Актам Истор., I, № 3).

² В остальных известных мне списках этого слова нет.

³ Поэтому понятно, почему в греческих текстах чудо это «корсунское чудо» неизвестно (ср. L. Deubner, о. с.). — В качестве бытовой черты, указывающей на русское происхождение рассказа, можно, пожалуй, добавить и упоминание о *меде* (да еще во вкусе народной поэзии — «сладком»), как о питье на пиру.

⁴ Церкви в честь их строились уже в V—VI вв. и существовали во многих местах, в Палестине был даже учрежден рыцарский орден их имени и т. п. См. Deubner, о. с., p. 81.